

ляетъ, безспорно, слабую сторону нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; но мы желали бы знать, почему устройство такихъ квартиръ — разъ что оно провозглашается правительственной задачей — должно быть предпринято въ интересахъ одного только сословія? Пускай дворянство открываетъ дворянскіе гимназическіе пансіоны на свой собственный счетъ — мѣшать ему въ этомъ, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ; но зачѣмъ же привлекать казну, т.-е. народъ, къ участию въ дѣлѣ, не имѣющемъ ни общегосударственнаго, ни общенароднаго значенія? Менѣе очевидно, но не менѣе реально, вредъ, сопряженный съ увеличеніемъ числа маіоратовъ. Чѣмъ больше имѣній, неотчуждаемыхъ изъ личнаго владѣнія, тѣмъ меньше запасъ земель, могущихъ перейти, силою вещей, въ руки земледѣльцевъ и увеличить область общиннаго землевладѣнія. Поощрять и облегчать учрежденіе маіоратовъ, значило бы охранять интересы немногихъ отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ интересамъ грядущихъ поколѣній, въ ущербъ дѣйствию естественныхъ причинъ, способствующихъ болѣе равномерному и правильному распредѣленію земельной собственности.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, а также устройство въ средѣ дворянскихъ корпорацій суда чести для самихъ дворянъ, не принадлежать къ числу тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, въ смыслѣ дворянскихъ ходатайствъ, было бы сопряжено съ нарушеніемъ правъ и интересовъ другихъ сословій. Остановиться на такомъ заключеніи было бы однако крупною ошибкой. Еслибы званіе дворянина было почетнымъ титуломъ, и больше ничѣмъ, еслибы оно не давало никакихъ политическихъ правъ и преимуществъ, тогда все, касающееся полученія его или потери, дѣйствительно могло бы считаться безразличнымъ для народа, важнымъ только для однихъ любителей внѣшняго, заимствованнаго блеска. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Формой безъ содержанія дворянское достоинство не можетъ быть названо даже теперь; еще меньше это названіе будетъ примѣнимо къ нему въ случаѣ рѣшительнаго поворота къ сословности, въ случаѣ возведенія дворянства на степень преобладающей земской силы и высшаго служилаго сословія. Отъ состава сословія, отъ способовъ пополненія и очищенія его будетъ зависеть тогда весьма, весьма многое. Возьмемъ хотя бы судъ чести, это невиннѣйшее, повидимому, изобрѣтеніе нашихъ новѣйшихъ рыцарей и паладиновъ. Судъ чести умѣстенъ и понятенъ только въ тѣсной корпораціи (адвокатской, офицерской и т. п.), всѣ члены которой связаны единствомъ профессиональныхъ занятій, общностью профессиональныхъ взглядовъ. И здѣсь, конечно, дѣятельность суда чести далеко не всегда свободна отъ существенно важныхъ недостатковъ — но она, по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть и свои